

КРЕСТЬЯНЕ ЭЛЬ-СЕЙБАЛЯ И ДОСТУП К СПРАВЕДЛИВО- СТИ. ПРАВО НА ЗЕМЛЮ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В АРГЕНТИНСКОЙ ПРОВИНЦИИ САНТЬЯГО-ДЕЛЬ-ЭСТЕРО.

Резюме

Карина Бидасека

Шел июнь 2005 года. Внезапно в мир небольшой крестьянской общины в Эль-Сейбале, расположенной на севере аргентинской провинции Сантьяго-дель-Эстеро, вторглось судебное постановление, переменившее местами все находящиеся в нем символические объекты. Язык юридического делопроизводства оказал формирующее влияние на когнитивные структуры подчиненных: событие сделало «тихие голоса» крестьян (термин индийского историка Ранаджита Гухи) громкими, обратив их против гегемонии. Полифония нарушила однообразный монололизм судебного процесса. Женщины, подавленные властью маскулинности, заговорили громкими, публичными голосами.

«На 30 июня назначается аукцион 10 тысяч гектаров земли в провинции Сантьяго-дель-Эстеро. В рамках дела о банкротстве Банка Ла-Платы, реализации его имущества и продажи земли в Эль-Сейбале по решению Гражданского и коммерческого суда №5 Ла-Платы государственный аукционист и маклер Эктор Кбрика приступит к распродаже земель, включающих в себя хутор Сан-Хосе-дель-Бокерон и населенные пункты Эль-Сейбаль, Бокерон, Трес-Варонес, Хувениль, Сан-Хуан, Нуэво-Симболар и Бабилонию» (Постановление суда от 25 июня 2005 года).

«Это уже не первый случай, когда приходит кто-то посторонний и говорит, что эти земли принадлежат ему» (голос крестьянки). Повторяемость событий придала крестьянам сил.

Всего за два дня до назначенной даты судья принял решение отменить аукцион. «Неучастствующие» — пользуясь выражением философа Жака Рансьера — стали частью процесса. Подчиненные извлекли пользу из напасти: вскоре им удалось получить документ на право собственности земель, которые они и без того считали своими.

Процессы трансформации в аргентинском сельском хозяйстве за два последних десятилетия интерпретируются в данной статье в свете судебного разбира-

тельства, затронувшего крестьянскую общину Эль-Сейбаль, расположенную в населенном пункте Сан-Хосе-дель-Бокерон на севере провинции Сантьяго-дель-Эстеро. Статья написана в рамках диалога с Оане Виссером, представляющем в этом номере свои исследования трансформаций сельского хозяйства в постсоветской России.

Исследуемый судебный процесс граничил с абсурдом, но не был исключительным событием. В статье я стараюсь проанализировать, как аукцион грубо нарушил сложившийся образ жизни и как субъектность крестьян смогла ненадолго отменить состояние подчиненности. О том, что надел Эль-Сейбаль, его население и некоторые из его общественных институций вдруг стали предметами судебного аукциона, крестьяне узнали из средств массовой информации. В аукционный лот не входили комиссариат полиции и церковь, но он включал в себя больницу, школу и места отдыха. В постановлении уточнялось, что не будет затронуто культурное наследие, то есть «иезуитские сооружения в этой зоне», датированные 1735 годом, когда иезуиты построили здесь редукцию (резервацию), церковь и колодец.

Историческая ценность стала законным аргументом и для крестьян: в своих показаниях они говорили о том, что на протяжении нескольких поколений более 250 семей живут и возделывают этот надел в 10 000 гектаров. Следует подчеркнуть, что Сантьяго-дель-Эстеро — одна из беднейших провинций Аргентины, географически изолированная и исторически оказавшаяся на обочине экономического развития. Она представляет собой образец так называемых «региональных экономик», противоположных провинциям, расположенным в плодородных Пампасах, чья экономика ориентирована на экспорт.

Такое положение в гегемонической иерархии предполагало, что сама идентичность «сантиагца» строится как «промежуточная» (термин Хоми Бхабхы), то есть как пространство, расположенное между национальной идентичностью и идентичностью этнической. Следует указать, что Аргентина, в отличие от других стран Латинской Америки, не прошла через опыт аграрной реформы. Здесь существует мощный класс так называемых «колонистов» и «фермеров» — типичных представителей «аргентинских Пампасов». Напротив, крестьянская традиция весьма слаба, а индейское прошлое вычеркнуто из национального нарратива.

В настоящее время более 30% населения провинции проживает в сельской местности. 15 000 семей живут натуральным хозяйством, а около 55,65% от общей площади сельскохозяйственных земель не имеют четко определенных границ и владельцев.

Крестьяне представляют собой 11% от общего населения Аргентины, проживая в основном в провинциях Сантьяго-дель-Эстеро, Катамарка (на северо-западе страны), Формоса и Мисьонес (на северо-востоке и в Междуречье) — регионах с наибольшей долей сельского населения. Земли, на которых расположено большинство небольших ферм, не имеют четко определенного владельца. Это выражается в большом количестве земельных конфликтов, усугубившихся за последние десятилетия в ходе продвижения границы сельскохозяйственных земель (главным образом за счет сои, но также за счет фасоли), к чему добавляется завышение стоимости недвижимости в целях получения ипотечных кредитов.

С 1960-х годов некоторые трансформации, произошедшие в регионе, в котором расположен Эль-Сейбаль, привели к увеличению стоимости земель, ранее бывших маргинальными с точки зрения капиталистической системы производства. Экспансия границы сельскохозяйственного землепользования стала результатом благоприятного цикла развития пампасского скотоводства с 1960 по 1970 год и введения культур, ориентированных на экспорт, производство которых концентрировалось в Пампасах и соседних провинциях.

С 1970 по 1977 год в провинции наметился мощный процесс концентрации земельных владений. При этом продолжало существовать большое число малых производителей. По данным Национальной сельскохозяйственной переписи 1988 года, участки размером до 25 гектаров в сочетании с землями, не имеющими четко очерченных границ, представляли собой 69% от количества сельскохозяйственных участков провинции, занимая при этом 1,15% от ее общей площади.

В контексте роста стоимости земель и концентрации землевладения к концу 1960 года стали происходить первые «молчаливые» выселения крестьян с занимаемых ими земель под давлением компаний, претендующих на эти земли. При этом предприятия (в большинстве своем базирующиеся за пределами провинции) предъявляли акты, заверенные в Буэнос-Айресе. Характерной чертой этого периода стало то, что крестьяне еще не заявляли о себе как о законных землепользователях и не пытались отстоять свои права.

Для того чтобы понять этот процесс «молчаливого исключения», необходимо упомянуть национальный и региональный политический контекст того времени: вплоть до 1983 года краткие промежутки демократического правления сменялись длительными периодами диктатуры. В провинции Сантьяго-дель-Эстеро действовала «хуаристская» система — по фамилии губернатора Карлоса Хуареса, с 1950 года занимавшего различные государственные посты и уже после введения демократии снова севшего в губернаторское кресло. Его режим был отмечен зависимостью судебной власти от исполнительной и неспособностью судов быстро рассматривать иски и принимать решения. Парламент Сантьяго-дель-Эстеро «автоматически равнялся» на губернаторскую администрацию, и в провинции существовала разветвленная клиентелистская сеть (что неудивительно ввиду того, что 58% работающего населения заняты на государственной службе). Гражданские и политические свободы подавлялись. В то время как режим Хуареса осуществлял политическую власть в провинции, тесно связанная с ним группа компаний «Иск» контролировала основные приватизированные предприятия (включая Банк Сантьяго и компанию-поставщика электричества и воды), а также средства массовой информации (печать, телевидение и радио).

Эти политические практики воспроизводились внутри партийной системы, но проникали и в наиболее приватные сферы общества, создавая авторитарную общественную ментальность. Таким образом, политика подавления гражданских и политических свобод не позволяла утвердиться и укрепиться какой-либо общественной организации, а тем самым производить какие-либо действия, нарушающие действующий порядок. В контексте авторитаризма, а также отсутствия профсоюзной традиции и плотной сети гражданских организаций, как показывают

различные исследования, Крестьянское движение Сантьяго-дель-Эстеро (MOCASE) смогло стать одним из наиболее значимых как на местном, так и на национальном уровне.

Гегемония неолиберальной модели усугубила проблему прав крестьян на земли или территории, на которых они живут и работают. Микропроцессы, проходящие в Эль-Сейбале, становятся понятными, если анализировать макроэкономическую политику. 1990-е годы положили конец системе государственной протекции, развивавшейся в Аргентине с 1940-х годов. Обширная сеть институций, позволявших на протяжении большей части XX века сосуществование в аграрном секторе малых, средних и крупных ферм (советы по регулированию цен, по мясу, по субсидиям производителям и тому подобные), была ликвидирована в 1991 году указом № 2284 неолиберального президента Карлоса Менема (1989–1999). Новые способы дерегулирования экономики и приватизации особенно сказались на ценах. Это относится к традиционному для этой провинции производству хлопка: сильное падение цен на этот продукт прямым образом сказалось на развитии и выживании кооперативов, реализующих продукцию крестьян.

Таким образом, с 1998 по 2002 год площадь обрабатываемых земель выросла на 379 000 гектаров, чем объясняются два фактора, связанных с коммерциализацией и доступностью земли: (а) так называемая «пампеанизация леса», то есть продвижение границы сельскохозяйственного землепользования из-за необходимости использования большего количества земли для производства сои (так называемой «соизации» аргентинского сельского хозяйства), (б) вырубка 306 000 гектаров леса за этот период. Согласно докладу аргентинского министра окружающей среды, из всех провинций страны именно Сантьяго потерял наибольшую площадь первородного леса.

«Исключающая» модернизация сельскохозяйственного сектора в результате введения новых технологий и повышения продукции (в особенности сои) весьма усложнила развитие небольших и средних производителей на общенациональном уровне. Следуя разным авторам, можно идентифицировать как минимум следующие эффекты: (а) сокращение количества ферм: по данным Национальной сельскохозяйственной переписи 2002 года, их число с 1988 года сократилось на 103 405 или 24,5%, (б) концентрация землевладения, (в) утрата устойчивых практик землепользования, выраженная в росте производства сои в ущерб, среди прочих, кукурузе и молочным фермам; (г) продажа земли иностранцам (порядка 17 миллионов гектаров).

Неолиберальная политика усугубила подчинение крестьян, не оставшихся, несмотря на некоторую изолированность, в стороне от процессов, затронувших все аргентинское общество. Поэтому мне представляется оправданным говорить о «подчиненных» как о субъектах, доминируемых не только в классовом отношении, но и в отношении пола, возраста, рода занятий и так далее, лишенных какой бы то ни было социальной мобильности и ищущих место, в котором они могли бы говорить. Интеллектуал индийского происхождения Гаятри Чакраворти Спивак считает, что единственный возможный политический выход для подчиненных — перестать быть подчиненными, усилить свой голос, присвоить его, в некотором

смысле — удалиться от репрезентации. Поэтому я говорю об их голосах как о политических инструментах субъектности, стараясь на материале исследуемого кейса развить то, что я называю «теорией голосов».

По определению Гухи, «тихие голоса» «подавляются шумом, производимым государственной властью. <...> Доминирующий голос “государства” заглушает звук действующих лиц, говорящих тихим голосом. В результате мы их не слышим». «Громкий голос» — противоположность «тихому». Мы можем понять его статус всего лишь в терминах гегемонии. В этом смысле громкий голос не дает говорить тихому, и тот остается подчиненным, пребывая в состоянии безголосья, места, лишённого высказывания, будто звуки, слетающие с губ, могли выражать только удовольствие или боль. Проще говоря, громкий голос — это отрицание тихого. Тем не менее тихие голоса зачастую соглашаются с громкими, с дискурсами доминирующей гегемонии. Это воспроизводство, напрямую связанное с общественным «консенсусом», установленным громкими голосами. Тихие голоса, в моем понимании, — это голоса миметические.

Итак, данная статья развивает разные направления. На примере судебного разбирательства интерпретируются процессы трансформации в аргентинском сельском хозяйстве в течение двух последних десятилетий и их влияние на процессы доминирования/сопротивления подчиненных сельских жителей. При этом анализируются экономические, правовые и политические трудности малых ферм в провинции Сантьяго-дель-Эстеро. Изучая изменение позиции субъектов в ходе судебного процесса, который не признает их право на участие, я также пытаюсь переосмыслить теорию подчинения.

Перевод с испанского Михаила Габовича